

Габдулла Тукай
1886 - 1913

Сасна

Кушлавич → Сасна → Очиле

Казань

Казань

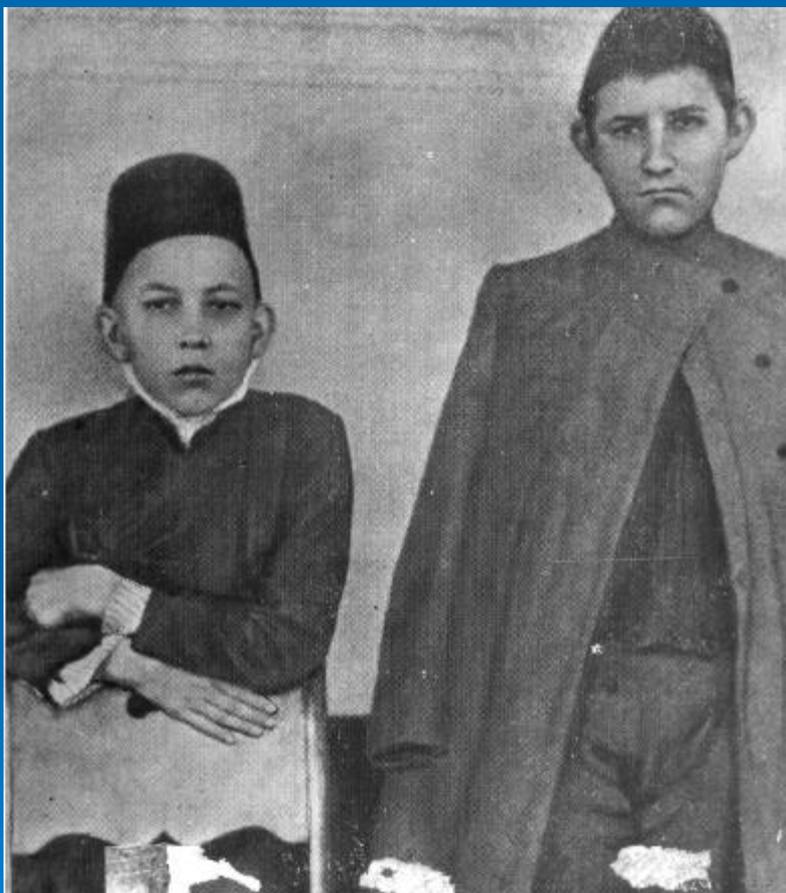
Очиле

Уральск

Кушлавич

Кырлай

Не сохранились фотографии маленького Тукая, вернее, будучи ребенком, он никогда не фотографировался, ибо в деревне тех времен не было фотографа, поэт только в 1903 году, в возрасте семнадцати лет, осмелился встать перед объективом.

Тукай стоит рядом с высоким шакирдом.

1905-1907 гг. в городе Уральске

- Габдулла Тукай тесно сотрудничал с сыном Мутыгуллы Тухватуллина Камилем. Эта фотография (Камиль слева) – свидетельство тесных взаимоотношений между ними в те годы.

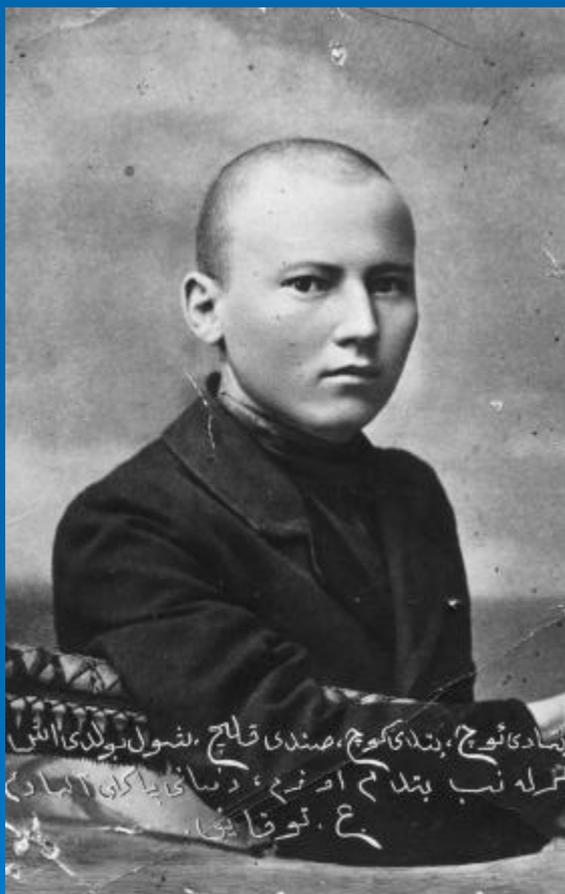
Возвращение в Казань

На фотографии 1908 г. сотрудники редакции газеты "Эль-Ислах" Казани (слева на право): редактор Вафа Бахтияров, театральный критик Кабир Бакир, идейный руководитель и активный сотрудник Фатих Амирхан, сотрудник редакции Ибрагим Амирхан, Габдулла Тукай.

Г.Тукай и Ф.Амирхан. 1908 г.

Фотография Г.Тукая
1911 г. Фрагмент из
общей фотографии,
которая была
сделана летом в
Астрахани.

1913 год. Больница Клячкина Казани. Через сутки Тукая не станет.

Друзья Г.Тукая, понимая, что дни поэта сочтены, с его разрешения 1 апреля пригласили в больницу фотографа. Друзья решили сфотографироваться с уходящим Тукаем. Их было трое. Но безжалостная цензура и здесь сделала своё дело, все те, кто ухаживал за умирающим Тукаем, были стёрты с изображения. Тукай остался один.

- Великий татарский поэт Габдулла Тукай скончался 15 (2) апреля 1913 года в 8 часов 15 минут вечера...
- Посмертная маска поэта. Хранится в Литературном музее Г.Тукая в Казани.
- Посмертная маска Тукая, снятая с его лица 3 апреля 1913 года. Судьба ее загадочна... В 1958 году некий Мулюков, житель Алма-Аты, принес ее в институт языка, литературы и истории КФАН СССР. Говорил, что эту маску ему в 30-е годы в Оренбурге передал Бурган Шараф, родной брат Гильмутдина Шарафа. И все. К сожалению, он ничего не мог добавить, и адрес его неизвестен. Через некоторое время маску передали в Госмузей, хранилась она там ровно тридцать лет. И вот впервые в апреле 1988 года, в день смерти Г.Тукая, посетители музея увидели эту уникальную находку. В свое время по просьбе сотрудников отдела литературных экспозиций Госмузея известные скульпторы Садри Ахун и Баки Урманче изучали эту маску и отметили, что она абсолютно точно копирует черты поэта. Баки Урманче говорил, что в начале века маски снимали в основном студенты медицинского факультета Казанского университета. Кто был инициатором этой работы? Кто снимал? Вопросов много. Но ясно одно: кто-то из близких друзей Тукая хотел сохранить для потомков его дорогие черты. Может быть, Фатых Амирхан? Есть предположение: маска до 1926 года, то есть до смерти Фатыха Амирхана, хранилась у него...

Татарский народ навсегда простился со своим любимым поэтом 17 (4) апреля 1913 года. Проводить поэта в последний путь на улицы Казани вышло великое множество народа. Среди них друзья поэта, духовенство, сотрудники газет и журналов, издательств, артисты труппы "Сайяр", шакирды, студенты и вообще масса людей из самых различных сословий.

Мусульманское кладбище Казани.

После предания
земле покойного и
молитв Касим
хазрет, исполняя
завещание поэта,
прочитал две строки
из знаменитого
стихотворения Тукая
"Мое завещание":

*О душа, ты отметалась! к Богу своему иди, -
Отвращала взор от света, а теперь - не отводи.*

Памятник на могиле Тукая

В Очиле

Кырлай

26 апреля каждого года - в день
рождения Г.Тукая в Казани
проходит очередной праздник
Поэзии

Уральск – город Тукая

Бюст в сквере Тукая

Улица Тукая в Уральске,
ведущая к скверу

Выставка рисунков и творческих работ по творчеству Тукая

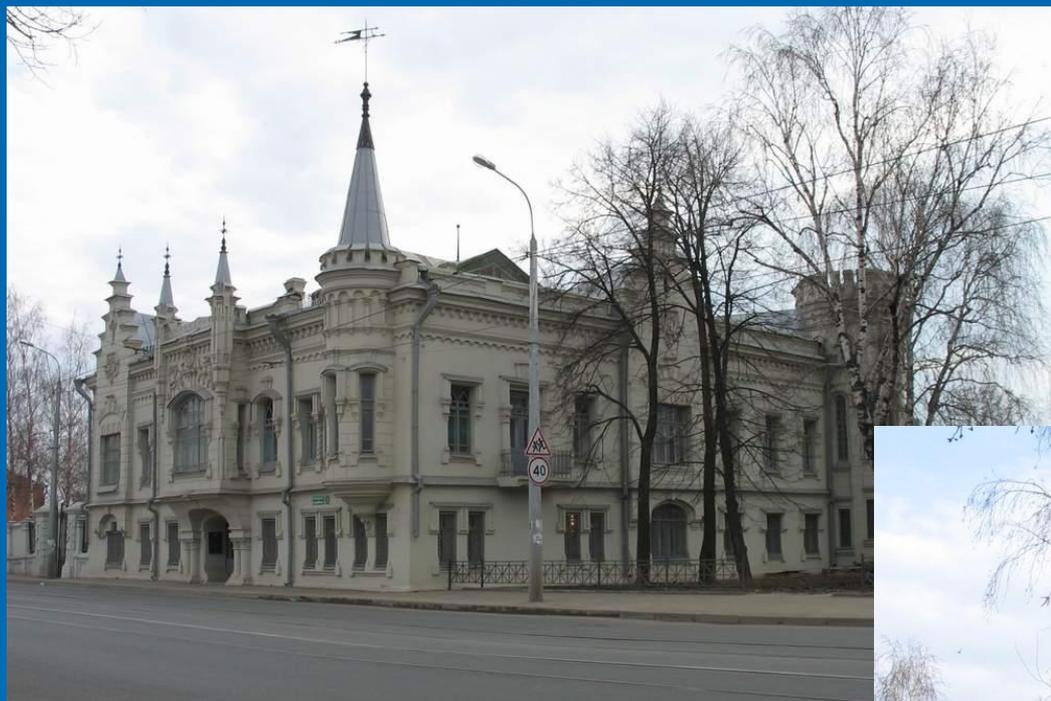
«Обаятельный Шурале»

Номера «Амур»

Литературный музей Г.Тукая

Газель

Строфа восточного стихосложения преимущественно пейзажной или любовной лирики.

aa ba ca da

Европейская имитация

ab cb db eb

После расставания/ Ифтиракъ соңында

Поверить стихи бумаге привыкаю всё сильней,
Потому что я расстался с драгоценною моей.

Вдохновлённые любовью и разлукою, стихи
Ныне спутниками жизни стали горестной моей.
От меня ушла к другому моя милая.

Теперь Я кровавыми слезами написал стихи о ней.

О жестокая! Чужому отдала любовь, когда
Озарял мне жизнь сияньем только свет твоих очей.

Вдохновенье страсти движет каждым словом и строкой,
Что рождаются под властью вдохновенною твоей.

Разорвала наши узы, осмеянью предала,
Жарким пламенем пылаю на костре любви твоей.

Расколосось моё небо, из-под ног ушла земля
С той поры, как я лишился дружбы сладостной твоей.

Без обиды и роптанья принимаю мою казнь,
Наслажденье и в страданье мне по милости твоей.

Завершу стихотворенье, твоё имя опустив,
Безымянным обращеньем защитивши от людей.

О, эта любовь! / Гыйшык бу, йа!

Я - жертва, бедный мотылёк на пламени любви,
Приди, красавица, явись, спали меня, спали.

Любовью к этой деве ум изнемогает мой,
Не допусти, Творец, мой плен, рассудок мой спаси.

Взойди навстречу, одари улыбкою своей,
В свою орбиту и меня, красавица, втяни.

Стреножен, связан по рукам, навек приворожён,
Вскружила голову совсем, спасенья не найти.

Сними покров с лица - пускай весь засияет мир,
Своим сияньем и меня, как солнцем, освети.

Я обескровлен, бледен, жизнь чуть теплится во мне.
Внемли же! Сжался надо мной и жизнь в меня вдохни.

Заворожённому тобой обрадуй: здесь пройди,
В пыли я вываляюсь, где следы твои легли.

Качает, словно в люльке, страсть меня едва-едва,
Готов качаться, сколько здесь продлятся дни мои.

До смерти опьянён тобой, уже не протрезвлюсь,
Луноподобной красотой своею мне свети.

Перевод В.Тушновой

Хоть я бедняк, но пожелай — тебе я душу подарю,
Приди, и я, как мотылек, в твоём огне сгорю, сгорю.

О, вразуми меня, Аллах! Мне плен грозит, грозит тюрьма,
Ведь эта девушка меня свела с ума, свела с ума.

Как высшей милости прошу: моя красавица, приди!
С улыбкой ласковой в глаза мне погляди, о, погляди!

От чар твоих спасенья нет, мне суждено от них пропасть,
И по рукам, и по ногам меня навек связала страсть.

Сбрось покрывало прочь с лица, мир освети красой своей!
Начну и я сиять в огне твоих лучей, твоих лучей.

Иссох я весь, бескровным стал, недуг живет в моей груди.
О, милосердна будь ко мне, мое здоровье возврати!

Безумцу радость подари, позволь прилечь у этих ног,
Молю тебя, позволь мне быть добычей, пойманной в силок!

Как тихо-тихо боль мою качает страсти колыбель,
Навеки я принадлежу любви, неведомой досель.

Я до могилы пьян тобой, покоя нету для меня,
Мой бледный свет рожден твоим, как свет луны — светилом дня.

Я ль не горемычный?

/Дәрдемәнд дэгелмием?

Что поделаю? Виною, горемычный, сам беде,
Весь - и телом, и душою - что поделаю, в беде.

Что поделаю я, если из несчастья сотворен,
Если с самого зачатья утопаю я в беде?

Если жизнь Аллаху люди посвящают в Гарбале,
Я - шахид любовной муки, что поделаю, в беде.

Что поделаю, войсками горе встало вокруг меня,
И дракон с горящей пастью заступает путь везде.

Я несчастней всех несчастных из живущих на земле,
Потому что я - начало, голова самой беде.

Что поделаю, коль выбран горю-муке головой,
Горемычного такого ты ещё увидишь где?

Госпожа ханум, приди, поверь: я ваш несчастный раб,
Весь как есть, с душой и сердцем, с плотью проданный тебе.

Ни о ком другом не думал я всю жизнь, как о тебе,
Ибо песнь моя полна одним стремлением к тебе.

Что поделаю? Влюблённым нет почёта среди людей,
Я пылинки под землёю незаметней на земле.

Неужели так и сгину? / Мэхү идэрмисэн?

Неужели так и сгинет от любви к тебе поэт?
Неужели мне до смерти от любви спасенья нет?
Пощади, будь милосердна, понапрасну не губи,
Если я умру, причиной будешь ты, сомненья нет.
Ты же ангел. Подобаает состраданье вам. Один
Газраил сопровождает наши души на тот свет.
Цену камню знает мастер, розе – только соловей,
Предпочесть любовь невежды не спеши любви моей.
Я тебе стихотворений о любви наговорил,
Твоего благоволенья самых малых жду примет.
Ты – как колокол церковный, я – как будто звон его,
Тщусь его усилить стоном, чтобы вызвать твой ответ.
Тёмный занавес меж нами, о Аллах, приподними,
Возврати сиянье жизни, дай увидеть белый свет.
Есть одно от страсти средство: или встреча, или смерть.
Ту и эту – смерть и встречу – примет с радостью поэт.
Стань, красавица, спасеньем иль погибелью моей,
Смерть у ног твоих – поэту ничего желанней нет.

Надпись на могильном камне моей любимой / Сөөклемнең кабер ташында

Тебя на свете нет, но страсть твоя во мне и ныне,
Я с дружбой, человечностью твоими и поныне.

Знай: смерть твоя есть и моя смерть, в этом нет
сомнений,
Твой образ предо мной, в ушах - твой голос и поныне.

Ах, жалость! То была любовь: я был тобой, ты -
мною.

Нет больше никого из нас. Жива лишь память ныне.

Когда б не ты! / Син булмасанң!

Красавица! Я не горел бы, когда б ты не зажгла меня.
Не орошали б слёзы землю – ты довела до слёз меня.
Сию минуту оборвал бы я песни грустные мои,
Когда бы ты не обратила в певца несчастного меня.
Не бились бы друг в друга волны любви неистовой моей,
Когда бы ты, как сильный ветер, не волновала бы меня.
Я утешался бы порою, любуясь солнцем и луной,
Когда, затмив их красотой, ты не сокрыла б от меня.
Я дикарём бы не жил*, если б, приворожив меня к себе,
Противу всех сокровищ мира не обратила ты меня.
Как дервиш, был бы я Аллаху слугою преданным, когда б,
Сомненьем душу растревожив, не искушала бы меня.
Я б на себя не покушался в порыве горя иногда,
Коль во врага не превратила б ты самому себе меня.
Верхом на палке от восторга я не скакал бы никогда,
Когда б последнего рассудка не потерял из-за тебя.
Стихи бессвязные бумаге не поверял бы ни за что,
Когда бы каждый раз в безумца не обращала ты меня.

Перевод стихотворений

В.Думаевой-Валиевой

